

СТРОГОВЫ

СЛОВО К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Всякий раз, когда моя книга выходит в свет и направляется к читателю, я испытываю острое волнение. Так было в дни моей житейской и литературной молодости, когда я с трепетом в сердце вынес на читательский суд свое первое произведение, так происходит и теперь. Казалось бы, беспокоиться нечего — книги выходят не впервые, они уже не раз переизданы, переведены на многие языки народов нашей родины и зарубежных стран, о них написаны статьи критиков и литературоведов. Однако беспокойство и тревожное ожидание читательского отклика не покидают меня. Почему же происходит это?

Да потому, что мне, как и каждому советскому писателю, понятно то чувство, с каким читатель берет книгу. Что он ждет от книги? Многого! Он хочет, чтобы книга взволновала его душу, обогатила его, показала ему великое многообразие людских типов, открыла новые пласты жизни, помогла ему жить и трудиться.

И вот, когда мысленно представишь себе эти большие и серьезные ожидания читателя, понимаешь, какую огромную ответственность принял ты на свои плечи как писатель.

Думается, что каждая книга должна говорить сама за себя. Какие-то дополнительные пояснения к ней не требуются. Но у читателей всегда возникает законное и вполне объяснимое желание знать об авторе больше, чем его имя и фамилия. Их интересует, почему же он написал именно эту книгу, интересует его жизненный путь, то, как протекала его творческая работа, какие у него имеются замыслы на будущее.

Постараюсь, насколько это возможно в кратком слове, ответить на эти вопросы, которые встречаешь и в письмах читателей, и в живом общении с ними на читательских конференциях и встречах.

Я родился в 1911 году в далеком сибирском селе Ново-Кусково, нынешней Томской области. Мой отец и дед были охотниками. До

шестнадцати-семнадцати лет я безвыездно жил в деревне, проводя значительную часть времени в тайге: то на охоте, то на промысле кедрового ореха, то на рыбалке. Отец в поисках лучших промысловых угодий много путешествовал, и вместе с ним я еще в раннем детстве побывал на Чулыме с его притоками, на Томи, средней Оби, Васюгане, Парабели и других реках Сибири.

Когда меня спрашивают, в какой школе я получал художественное воспитание, я отвечаю, что начальной школой и жизни и искусства была для меня среда охотников, промысловый труд, таежный костер и охотничий стан.

Среда охотников, в которой я провел свое детство и юность, необычайно поэтическая. Труд охотников-промысловиков тяжелый, но увлекательный, полный разнообразных неожиданностей и приключений. Охотник — своеобразный первооткрыватель: он постоянно ищет, всегда в движении. Как правило, охотники хорошие рассказчики, искусные мастера живого слова.

Обычно по вечерам у костра собирались охотники всей артели. За день каждый из них исходил по тайге сорок-пятьдесят, а то и более километров. И вот после ужина начинаются рассказы о том, что было, а иногда и о том, чего не было. Невозможно оторваться от этих рассказов! Они уносят тебя в самые далекие и сокровенные уголки бескрайней тайги, вводят в мир простых и суровых понятий трудовой жизни охотников, беспощадно требующей от них ловкости, мужества, постоянного напряжения. И что бы я ни писал сейчас, я чувствую себя неотрывным от этого окружения, окружения моего детства.

Впечатления той поры и приобретенные тогда знания помогали мне в работе над моими ранними рассказами и повестями, над романом «Строговы», посвященным прошлому, помогали и тогда, когда я писал роман о современности «Соль земли».

Писать я начал рано, и на это натолкнула меня сама жизнь.

Было это в 1924 году. В одной из деревень теперешней Томской области мне пришлось быть подпаском.

Однажды мы с пастухом, который был года на четыре старше меня, ушли в деревню, чтобы вымыться в бане. Когда через несколько часов мы вернулись на поля, то увидели наше стадо овец сбившимся в кучу в углу загона. Впереди стада лежали четыре растерзанных овцы. Мы сразу поняли, что по полям прошла волчья стая.

Не успели мы оправиться от растерянности, как на полях появились наши хозяева. Это были два крепких, рослых мужика, в брезентовых дождевиках, верхом на лошадях, с ременными бичами.

Вероятно, кто-то из проезжавших по проселку видел происшедшую беду и сообщил им об этом. Как смерч, они налетели на нас и избили на моих глазах пастуха до крови. Парень был не здешний, из прибалтийских беженцев, круглый сирота. Защитить его было некому.

По обязанности подпaska я тоже отвечал за случившееся. Влетело от хозяев и мне, но бить меня они не стали, и, конечно, не потому, что я был еще совсем мальчишка, что называется «аршин с шапкой», а потому, что у меня был жив отец — охотник-медвежатник, силач и отменный стрелок, а главное — правдолюбец. Кулаки его побаивались.

С неделю я жил с ощущением гнева против хозяев, не зная еще, как излить его. Мне жаль было товарища, которого хозяева подвергли унижению. Но наконец способ мести хозяевам был найден. К этому времени я был уже комсомольцем (в союз молодежи я вступил в период ленинского призыва в феврале — марте 1924 года) и решил обо всем, что произошло на полях, написать в газету «Томский крестьянин».

В моей корреспонденции говорилось о том, что на полях Воронопашенской волости развелось много волков. Они губят скот, из-за этого кулаки избивают пастухов, а власти взирают на все с полным равнодушием.

Свою первую корреспонденцию я отнес в соседнюю деревню и там опустил в почтовый ящик. Сделал я так потому, что в нашей деревне секретарь сельсовета был подкулачник и почтовый ящик находился в его ведении. Нам, комсомольцам, было известно, что подкулачник любил заглядывать в письма, которые так или иначе касались нашей сельской жизни...

Заметка была напечатана, и это, естественно, вызвало во мне чувство гордости. В редакции, правда, ее переписали почти заново, но заголовок остался мой: «Волки одолели».

Вскоре население ряда деревень было поднято для участия в облаве на волков. Организатором этого выступил волисполком. Волчья облава — охота особого рода. Это похоже на народное празднество. В ней участвует множество народу. Собираются все — от ребятшек до старух, едут на телегах, верхом, идут с ружьями, с вилами, со стягами... На этот раз облава была особенно успешной.

И когда я увидел все то, что произошло после опубликования моей заметки, я понял своим детским сердцем великую силу печатного слова, его способность подымать людей на большие и полезные дела.

Эта газетная заметка была, как сказали бы теперь, моим первым «вторжением в жизнь». С той поры я стал активным селькором газет «Томский крестьянин», «Красное знамя», «Путь молодежи». Свою селькоровскую работу я совмещал с работой общественного распространителя печати. Редакции газет и журналов поощряли меня, награждая бесплатной годовой подпиской на издания. С приходом почты (а она прибывала в нашу деревню один раз в неделю) я получал пачку свежих газет и журналов. Так я приохотился к чтению, приобщился к участию в общественной жизни.

Вскоре комсомольцы назначили меня вожатым первого в волости пионерского отряда, потом выдвинули в райком комсомола. Комсомольской работе я отдал немало лет своей жизни. Работал в райкомах, горкомах, в краевом комитете комсомола, редактировал молодежные газеты и журналы Западно-Сибирского края. Одновременно учился, был студентом Томского государственного университета и, конечно, мечтал о писательском поприще, печатая в газетах и журналах то очерки, то зарисовки, то статьи. И в Томске, и в Новосибирске, и в Иркутске, где мне довелось жить, были хорошие библиотеки, лектории, были образованные, доброжелательные люди, которые во многом помогли мне.

В начале моей литературной работы меня особенно привлекали экономические темы. Я всегда интересовался экономикой, любил всякую «цифиру», и теперь я очень люблю читать статистические и экономические отчеты колхозов, промхозов, строек, предприятий, данные об отдельных отраслях хозяйства. Моя журналистская работа проходила в годы строительства Большого Кузбасса. Недостатки в фактическом материале не было, и я часто выступал с очерками по вопросам организации труда, набора рабочей силы и т. д.

А между тем в это же самое время я вынашивал мечту о художественном произведении. Мне хотелось написать такую книгу, в которой я рассказал бы обо всем том, что я знал, чему я был свидетелем. Раздумывая над будущей книгой, я вспоминал людей, среди которых рос, трудился, воспитывался. Эти люди казались мне самобытными, интересными, достойными того, чтобы поведать о них.

Постепенно в уме начали складываться отдельные сцены, эпизоды, потом главы, но все это связать в одно целое я долго не мог. Вероятно, здесь уже вступали в действие законы искусства, требовались большие обобщения. Я понимал, что моей жизненной практики, моих наблюдений и знаний родной деревни для этого недостаточно, нужно было искать источники, дающие более широкий жизненный материал. На это потребовалось и время, и новые уси-

лия. Я много работал в библиотеках, изучая историю своего края, различные экономические и этнографические исследования о сибирской деревне, волостные архивы, статистические данные, рыночные дневники Томска, Иркутска, Красноярска; ездил по селам Причудымья; встречался со старыми большевиками. Изучал также и историю революционной борьбы в Сибири, историю сибирской тюрьмы и ссылки — политические ссыльные оказывали на местное население большое влияние. Все это обогатило меня, дало мне разнообразный материал, которым я мог пользоваться, создавая книгу. Роман «Строговы» рождался медленно, я все никак не мог поставить точку. Так складывался вариант за вариантом.

Когда наконец первая книга увидела свет и я взялся за работу над второй книгой, началась Великая Отечественная война. Роман пришлось отложить. Почти пять лет я провел в рядах Советской армии.

В 1948 году роман «Строговы» вышел в том полном виде, в котором я предлагаю его моему читателю и в настоящем издании. Конечно, с тех пор при каждом новом издании я вновь и вновь придирчиво просматривал его, внося в него изменения и дополнения, «подчищая» текст. Впрочем, это делают все писатели, и я тут иду проторенной дорогой.

Выход в свет романа «Строговы» принес мне как писателю много радости. Я получил тысячи читательских писем, о романе было напечатано множество статей и у нас в стране, и за рубежом.

И в письмах и в статьях довольно сильно звучал один и тот же мотив: «Расскажите историю героев дальше, покажите их жизнь в наше, советское время». Именно под воздействием этих пожеланий и сложился у меня замысел нового романа — «Соль земли», героями которого были бы представители младшего поколения семьи Строговых.

И снова начались мои поездки по Сибири. Снова я встречался с различными людьми, работал в библиотеках и архивохранилищах, снова продвигался трудно и медленно от эпизода к эпизоду, от главы к главе.

Выход в свет романа «Соль земли» совпал с новым разворотом гигантской работы советского народа и Коммунистической партии по освоению несметных природных богатств Сибири. И мне приятно сознавать, что наряду с другими произведениями советской литературы мой роман оказался нужным народу в этой борьбе, о чем свидетельствуют письма читателей, отчеты о читательских конференциях, газетные и журнальные отзывы, театральные инсценировки романа, радио- и телевизионные постановки по нему.

Особенно мне дороги те отклики, в которых сообщалось о непосредственном воздействии моей книги на практические дела. Тут были и меры по эксплуатации богатств сибирской тайги и ускорению исследований новых районов Сибири, и сообщения молодых специалистов о их переезде в Сибирь на постоянную работу. Выпускники высших учебных заведений не раз запрашивали меня, «где этот самый Улуюльский край, описанный в романе», желая приложить свои силы к делу его освоения. Немало получил я от читателей и дельных критических замечаний, которые учел по мере возможности.

Само собой разумеется, что романы и «Строговы» и «Соль земли» я не смог бы написать, если не провел бы детство и юность в тайге, если в течение всей своей сознательной жизни не принимал бы непосредственное участие в социалистическом преобразовании Сибири, если бы систематически не бывал у охотников, рыбаков, рабочих, колхозников, ученых, ведущих свою созидательную работу в самых разнообразных местах моего родного края.

После «Строговых» и «Соли земли» я написал еще один роман — «Отец и сын». Он тоже посвящен людям Сибири. В настоящее время я работаю над новым произведением, охватывающим события шестидесятых годов. Его герои — люди моего поколения, которым выпало счастье строить коммунизм.

Но не буду больше задерживать внимание читателя на том, что еще не написано, попрошу его ознакомиться с тем, что уже сделано.

Георгий Марков

ИЗ ПРОШЛОГО СТРОГОВЫХ (ВМЕСТО ПРОЛОГА)

Во второй половине прошлого века купец Федот Кузьмин основал в глухом таежном месте пасеку.

В ближнем поселке Волчьи Норы он нанял пасечником молодого батрака Захара Строгова. Нанял за пять колодок пчел да три рубля серебром в год.

Захар Строгов переселился на пасеку вместе с женой Агафьей.

Через несколько лет купец умер, и хозяйство перешло к его сыну Никите. Молодой хозяин повел дело иначе: он решил продать пчел, купить на Енисее прииск и заняться золотым промыслом.

Захару не хотелось уходить с обжитого места. Кругом были незаселенные земли и гари с медистым кипреем; на пасеке — созданные его же руками постройки: дом, амбар, подвал.

Строгов упросил Никиту Кузьмина продать ему участок и получить часть выкупа деньгами, а часть медом. Кузьмин запросил двадцать рублей серебром и ежегодно, пока жив Захар, два воза меда с доставкой в город. Волей-неволей пришлось Захару согласиться.

Шли годы. У Захара с Агафьей родился сын Влас, а спустя десять лет — второй, Матвей.

Еще будучи подростком, Влас ушел в город, поступил в торговое заведение. С годами скопил Влас немного денег, открыл свою лавочку, женился, обзавелся детьми.

Матвей оставался с отцом. В Волчьих Норах он окончил церковно-приходскую школу первым учеником и, по совету учителя, написал прошение царю с просьбой определить на казенный счет в какое-нибудь училище в городе.

Ответ пришел спустя много месяцев из Министерства просвещения. Прошение осталось без последствий: на казенный кошт было немало претендентов из обедневших дворянских семей.

Продолжая честно выполнять поставки медом Никите Кузьмину, Строговы жили на скромные доходы от пасеки; подспорьем слу-

жила охота, а кроме того, кедровые орехи, грибные и ягодные угоды тайги. Жили на пасеке семьей из пяти человек: старики Захар с Агафьей да родной брат Агафьи — дед Фишка — и Матвей с молодой женой Анной.

Пятистенный дом Строговых, окруженный густо разросшимися кустами черемухи, стоял на косогоре, окнами к южной, солнечной стороне. От дома влево — двор, крытый по-сибирски наглухо, вправо — пасека.

У подножья косогора — речка Соколинка с прозрачной родниковой водой. За речкой опять косогор, за ним — долины, холмы, мелколесье, нераспаханные вольные сибирские земли.

К северу от пасеки — стеной тайга. Тайга на тысячи верст и безлюдье, простор, глушь...

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В средней полосе Сибири первые заморозки начинаются уже в конце августа. Утрами, пока солнце не обогреет землю, на зеленой листве деревьев, на поникшей от холода траве лежит нежный, легкий иней.

С этого времени начинают опадать цветы, сохнут травы и раскрашиваются во все цвета радуги бельники и осинники. Последние летние дожди проходят с ветром и бывают затяжные и надоедливые.

Но вслед за ними наступает ясный сентябрь. Земля пестра и уходит на ковер, что девушки в деревнях плетут из ситцевых разноцветных лоскутьев. В сентябрьские дни небо еще сине и безоблачно, а в лесу уже сыро и попахивает прелью опавшей листвы.

Незаметная, но хлопотливая и суетная жизнь течет в тайге в эти погожие дни и звездные, гулкие ночи. С глубоких озер поднимаются караваны гусей, лебедей и уток и направляются в далекий путь. Жалобно курлыча и повизгивая, как несмазанные колеса деревянной телеги, летят на юг длинные вереницы журавлей. Внизу, под ними, тянутся тысячеверстные просторы земли, а выше плывут белые, как хлопья, облака и дуют ветры.

И в это же самое время, когда улетают залетные птицы и уходят пришьлые звери, постоянные жители тайги ищут сытной зимовки. Хорошо, если год урожайный и косогоры краснеют от брусники, а ветки кедров сгибаются от тяжести крупных шишек. Но бывает часто и так: не везде, не во всех концах одинаково плодоносит тайга, и тогда в поисках зимних кормежек начинается великое кочевье всего живого...

...Ранним утром ясного сентябрьского дня Матвей и дед Фишка отправились на охоту. Каждый год в эту пору они уходили с пасеки в глубь тайги, в кедрачи, к берегам речки Юксы. Уходили надолго, месяца на два, на три. Зимой на нартах они завозили к своему ста-

ну муку, сухари, соль. С собой несли только ружейные припасы, белье, верхнюю одежду.

Охотники привыкли к Юксинской тайге, считали ее своей собственностью, своим амбаром с добром.

К вечеру второго дня вышли на стан.

На крутом берегу, окруженная разлапистыми кедрами, стояла избушка. В десяти шагах от нее — навес из соснового дранья, под ним таган, закром для хранения кедрового ореха, барцы — чурки на длинных еловых шестах для шишкобоя, рыболовные снасти: морды, садки, вентеря.

За ночь охотники отдохнули, а утром разошлись в разные стороны. Осенью в тайге — как в страду на поле: день год кормит.

Урожай орехов и ягод в эту осень был редкостный. Тайга кишела зверьем и птицей.

Вернувшись на стан, Матвей и дед Фишка развели костер, сели сушить одежду.

— Я сегодня, Матюша, аж в бельники слетал... — рассказывал дед Фишка.

Ссутулившись, он держал над костром портянку. Пламя освещало его. Ветер обдавал дымом. Дед Фишка морщился, кашлял, щурил маленькие хитрые глаза, шевеля мохнатыми бровями.

Матвей, подперев рукой голову, лежал на земле с другой стороны костра.

— В бельники? Далеконько ты сбегал... Сильно поди устал? — спросил он.

— Какой там устал! Еще б пробежал столько!

— А меня сегодня сова напугала, — задумчиво проговорил Матвей и улыбнулся.

— Как так? — Дед Фишка отбросил портянку и пересел с чурбака на землю.

— Под вечер иду берегом, — начал рассказывать Матвей, — слышу, кто-то в чаще щелкает. Думаю: уж не волк ли?

Дед Фишка слушал с любопытством. С его лица, заросшего мягкими седеющими волосами, не сходила улыбка: старик знал, что будет над чем посмеяться, — уж не так робок был молодой охотник.

— Я остановился, — продолжал Матвей, — смотрю в чащу...

Из глубины тайги донеслось эхо выстрела. Собаки вскочили с теплых, насиженных мест. Улыбки исчезли с лиц охотников. Они переглянулись с тревогой в глазах.

Матвей, приподнявшись, подставил ухо на ветер. Но выстрел не повторился. Собаки потоптались, зевнули, легли на прежнее место и свернулись в клубки.

Тайга шумела однотонно, скучно. Небо заволокло тучами. Крышу навеса долбил прямой, упругий дождь.

— Далеко где-то, — сказал Матвей.

— Надо отозваться, Матюша, — посоветовал дед Фишка. — Заблудился, видно, человек. А плутать сейчас в тайге — гиблое дело: не видно ни месяца, ни звезд.

Матвей сходил в избушку за ружьем и выпалил вверх из обоих стволов раз за разом.

Собаки с визгом бросились в лес, но в ту же минуту вернулись, виновато поджав хвосты.

Выстрел навел охотников на размышления. Ночью в тайге могли стрелять только в случае крайней нужды. Выстрелом кто-то взывал о помощи. Кто же? Кроме Матвея и деда Фишки, в юксинских кедрачах никто не бывал. Это знали охотники точно. Из года в год охотились они здесь одни.

— Теперь поджидай: вот-вот подойдет, — сказал дед Фишка, набивая самосадом трубку.

Ждали они долго, глядели в темь леса, изредка перебрасывались словами. Но собаки спали, не чуя приближения чужого человека.

Матвей поднялся:

— Надо в сушину поколотить, а то в такую-то темень и мимо можно пройти.

Он взял топор и обухом ударил в сухой кедр. Эхо подхватило гулкий стук и понесло по тайге, тревожа зверей и птиц.

Ждали еще часа два, но никто не приходил.

— Охотники новые объявились, — сказал Матвей.

— Нет, Матюша, наверняка кто-нибудь заблудился. Сам посуди: зачем охотники стрелять будут ночью? Да и кто сюда пойдет? Все знают, что тайга эта наша, — настаивал на своем дед Фишка.

Матвея клонило ко сну. Ночь была уже на второй половине.

— Иди, Матюша, спи, а придет кто — я тебя разбуду, — предложил старик.

Матвей докурил сигарку, окурок бросил в костер и ушел в избушку.

Дед Фишка долго сидел, курил трубку, прислушивался. Но потом и он запрокинул голову на чурбак и захрапел так громко, что собаки подняли морды и осмотрелись. Ни ночью, ни утром на стан никто не пришел.

Охотники посоветовались и решили походить по тайге, поискать несчастного. Друг ли, недруг ли это был, но раз попал человек в беду, надо выручать. Испокон веков так было заведено у охотников.

До полудня ходили они по тайге, кричали и стреляли из ружей, но никто не отзывался.

Прежде чем повернуть к стану, в долинке присели на колоду покурить.

Не успели завернуть сигарки — на взгорке залаяли собаки. Дед Фишка вскочил, побежал мелкими скорыми шажками.

Собаки лаяли совсем не так, как лают на зверя, — не заливисто, а сердито, с рычаньем.

Когда Матвей взбежал на взгорок, дед Фишка стоял без шапки и, крестясь, бормотал:

— Господи Иисусе, пронеси и помилуй!

Перед ним лежал скрюченный бородатый человек. Он был мертв. По его изуродованному лицу ползал зеленый червяк-землемер. Возле мертвеца валялись капсюльное ружье и длинный еловый сушок.

Дед Фишка обернулся, посмотрел на Матвея, как бы спрашивая, за какую провинность бог послал им такое наказание.

Несколько минут они молча глядели друг на друга.

— Надо в карманах пошарить, — решил наконец Матвей. — Может быть, бумаги какие есть. Обличье незнакомое.

Дед Фишка нерешительно, с опаской опустил на колени и несмело стал ощупывать карманы. Ни в карманах, ни в кожаной сумке бумаг никаких не оказалось. Из-за пазухи дед Фишка вытащил холщовую тряпку, завязанную узелком.

— Соль, кажись, — проговорил он, ощупывая узелок пальцами и подавая его Матвею.

По всей видимости, человек покончил с собою последним зарядом. Рожки из-под дроби, пороха и пистонов пустовали. Мешок из-под харчей тоже был пуст.

— Ну, Матюша, что будем делать? — спросил дед Фишка, покосившись на мертвеца.

— Дядя, это не соль, — держа на ладони развязанный узелок, сказал молодой охотник.

Дед Фишка взглянул на руку Матвея. На широкой ладони племянника в тряпке лежала щепотка крупного серого песка и четыре золотинки, каждая с таракана величиной.

— Это, Матюша, золото. Ей-богу, золото! Ну-ка, дай! — Старик взял кусочек золота, положил в рот и притиснул зубами.

— Золото! Неужто здесь нашел? — прошептал Матвей и огляделся вокруг, словно боясь, что кто-нибудь подсмотрит за ними.

Но размышлять о золоте было не время. Мертвец лежал у ног охотников, и с ним надо было что-то делать.

Решили положить тело в могилу, вместо гроба устроить ложе из мягких веток кедра. Рассудили так: если какая родня найдется, откопать недолго. Золото тоже не взяли. Возьмешь, а потом за пустяки в тюрьме сгноят.

На другой день Матвей пошел тайгой на пасеку. Оттуда на лошади он намеревался поехать в Волчьи Норы, заявить властям о происшествии. Кто бы ни был погибший, крестьянин ли, охотник ли из чужих краев или беглый поселенец без роду, без имени, каких в Сибири с каждым годом становилось все больше, он был человек, и бросить его, как падаль, совесть не позволяла.

2

Матвей долго шел тропой, потом свернул в сторону. Надвигалась ночь — холодная, с ветром, с дождем. Матвей решил переночевать на заимке у знакомого мужика Зимовского. От тропы до заимки было не больше трех верст. Зимовской поселился в этих местах недавно. Вокруг было дико, необжито, но зато привольно и богато.

На заимке Матвея встретили собаки. Они бросились на него, рычали, лаяли с хрипом.

Вскоре у ворот покраснел огонек сигарки.

— Кто идет? — спросил из темноты глухой, встревоженный голос.

— Это я, Степан Иваныч.

— Не то Матвей Строгов?

— Он самый.

— Здравствуй, редкий гость. Цыц вы, дуры! — закричал на собак хозяин.

В избе Зимовской зажег фитиль, вставленный в бутылочку с рыбьим жиром.

— Кто там, Степан? — спросил женский голос из второй половины избы.

— Вставай, Василиса, Матвей Строгов пришел.

— Иду, иду, — заторопилась хозяйка.

Скрипнула деревянная разошедшаяся кровать, и по полу зашлепали босые ноги.

В избе было душно. Пахло прелой картошкой, по небеленым стенам расплзались встревоженные светом тараканы.

У двери, в углу, на кровати лежала старуха — теща Зимовского, а рядом с ней, раскинув руки и ноги, спал ее внучонок Егорка. С полатей раздавался храп работника.

— Ну, как охота нынче? — заговорил Зимовской, присаживаясь к столу.

— Год нынче хороший, фартовый, — ответил Матвей.

— А по какой нужде так рано домой идешь?

— Ружейный припас на исходе.

Зимовской недоверчиво взглянул на охотника.

— Да не только припас, еще дело есть. Баба у меня должна на днях разродиться.

— Вон оно как! Дай бог счастья! Дай бог... — затараторила Василиса.

Матвей решил не рассказывать пока Зимовским о происшествии в тайге. Он и сам не знал еще, надо ли заявлять властям о самоубийце. Намеревался обо всем этом посоветоваться дома.

О Зимовском по народу шла недобрая слава, как о человеке темном и нелюдимом. Летом он выезжал на заимку, а зимой жил в деревне Сергево, приторговывал дичью, скотом и рыбой. Матвей знал, что, скажи он Зимовскому о происшествии, тот, не медля ни одного дня, бросится искать золото.

А охотники сами сговорились попытать счастья. По песку определили они, что найдены золотишки где-то тут, в Юксинской тайге.

За чаем Матвей спросил:

— Ну а у вас как дела? Опять поди птицы на всю зиму наготовили?

Зимовской хотел сказать что-то, но его перебила Василиса:

— Нам повезло нынче, Матвей Захарыч, золото мы в глухаре нашли. Приволок раз Степа целый куль дичи. Стали мы с мамой ее обихаживать, распороли одного глухаря, а в зобу у него желтый камешек. Бросилась я тут к Степе, он на дворе был. «Смотри, говорю, не золото ли?» Он посмотрел: «А ведь верно, кажись, золото». Намедни поехал он в город, прихватил с собой золотишку. Приезжает. «Вот, — говорит, — на, купил тебе на золото подарок».

Василиса соскочила с табуретки, принесла кашемировый цветастый платок.

Матвей не смог скрыть своего изумления.

— Смотри-ка, золото в глухаре!

Степану не понравилась болтовня жены. Он нахмурился, сердито, исподлобья посмотрел на Василису.

Матвей заметил это и перевел разговор на другое, а про себя подумал:

«И как это раньше мы не догадались?.. Давно бы надо покопать-ся в песках. Вон даже в глухарях золото попадается».

Разговор не клеился.

Василиса принесла со двора охапку соломы, расстелила ее на полу у стола, сверху набросила домотканую, из крученых лоскутьев, дерюжку.

Матвей долго не мог заснуть. Из второй половины избы до него доносился шепот: Степан бранил Василису за то, что она выболтала охотнику лишнее.

Забылся Матвей далеко за полночь, а когда очнулся, уже рас-свело.

Василиса прошла во двор с подойником. Зимовской сидел у ок-на, молча сучил дратву. Старуха с мальчишкой все еще спали.

Матвей убрал за собой постель и стал собираться в дорогу. Зи-мовской был неразговорчив, однако пригласил его подождать, по-ка Василиса вскипятит самовар.

Матвей отказался, сославшись на то, что путь не ближний. Про-щаясь с хозяином, попросил у него пяток серянок, извинился за беспокойство.

— Тебе, Степан Иваныч, поди часто охотники-то докучают? Был нынче кто-нибудь?

— Ты первый, — ответил хозяин.

«Значит, незнакомец не проходил здесь», — подумал Матвей.

3

На пасеку Матвей пришел в сумерки.

В доме только что зажгли лампу. В чистой прихожей было теп-ло, уютно. Топилась железная печка, и в квадратные дырочки двер-цы на пол падали полоски яркого света.

Домашние встретили Матвея удивленными взглядами.

Он поздоровался и не торопясь стал раздеваться. Отец, мать и жена следили за каждым его движением.

— Не то с Фишкой, сынок, что случилось? — спросила Агафья.

— Нет, мама, дядя здоров.

Матвей сел на лавку. Захар, Анна, Агафья окружили его и, не шевелясь, словно замороженные, выслушали весь рассказ.

— Езжай, езжай завтра в Волчьи Норы. Заяви старосте, — посо-ветовал Захар. — Негоже так душу христианскую без поминовения оставлять.

Агафья согласилась с мужем:

— Заяви, Матюша. Родня поди есть. Ищут, наверно, теперь, мучаются. — Она ласково взглянула на сына. — Да сами-то, Матюша, с оглядкой ходите. А то вот так же заплутаетесь, не приведи господь.

— Вот попомните меня: засудят Матюшу с дядей, — взволнованно заговорила Анна. — Скажут, что они убили. А на мой згад так: человека схоронить в тайге, крест поставить — и делов только.

— Чепуху мелешь! Правду всегда видно, — вспылил Захар.

На щеках его проступил румянец. Голубые глаза оживились, заблестели. Старик не любил, когда ему перечили.

— Ишь удумала что! Засудят... Ты не кличь беду-то, не кличь! — ворчал он.

— За правду не судят, Нюра. Правда — что масло: всегда наверно, — попыталась сгладить грубость старика Агафья.

Анна с досадой махнула рукой.

После ужина Захар зажег четыре свечи: три поставил в горнице перед божницей, четвертую воткнул в большой медный подсвечник. В одну руку он взял подсвечник, а другой стал махать, словно держал в ней кадило.

Захар не спеша ходил из прихожей в горницу, из горницы в прихожую и тянул густым голосом:

— Святый боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас...

Скоро он так увлекся «панихидой», что стал размахивать и подсвечником.

— Свя-а-ты-ый бо-о-же, свя-а-ты-ый...

Во время «богослужения» Захара никто не считал нужным молиться. И теперь все занимались своим делом.

— Свя-а-тый бо-о-же... — тянул Захар.

Матвей зевнул, встал из-за стола и прошел в горницу, где Анна взбивала перину на широкой двуспальной кровати.

— Хватит, Захарка, хватит, — остановила его Агафья. — Бог-то — он не глухой, с одного разу слышит. Дай-ка лучше Матюше с дороги выспаться.

— Ты не тронь меня, старуха, не тронь! Я за того молюсь, который в тайге погиб.

Все же вмешательство Агафьи возымело свое действие. Захар прошелся еще раз, перекрестился и, потушив свечи, вышел в прихожую, плотно закрыв за собою дверь.

Матвей, оставшись с Анной, подошел к ней, притянул к себе, обнял. Анна уткнулась лицом ему в грудь, всхлипнула.

— Ты о чем?

— Боязно, Матюша.

— Отчего боязно-то?

— И от этого вот, — она положила руку на большой живот, — и оттого, что в тайге не по-хорошему у вас.

Матвей усадил ее на постель.

— Не убивайся, Нюра, все будет по-хорошему. Насчет этого, — он кивнул головой на живот, — не ты первая, не ты последняя. А о тайге тоже зря печалишься. Лучше расскажи: как жила тут без меня?

Он погладил Анну по спине, обнял ее за плечи. Она привалилась к нему крепким, точно сбитым телом.

— Жила ничего, только с батей часто ругались.

— Чего вы с ним не поделили?

— Да ведь он знаешь какой? Раз я вымыла пол, а он несет на сапогах грязи пуд. Я говорю: «Вытер бы, батя, ноги». Как он поднялся, как разбушевался! «И ты, говорит, туда же, и тебе не угодил! Агафья с крыльца гонит, эта в избу не пускает. Может, мне еще час под дождем мокнуть, пока вы тут со всем управитесь?»

Матвей засмеялся.

— А дальше что было?

— Поехал он в Волчьи Норы, вернулся выпимши, веселый. Входит, вытаскивает из кармана матушке платок, а мне серьги: «Вот вам за то, что я пол топчу». А в другой раз схватились с ним еще пуще. Я говорю: «Надо бы, батя, на мельницу съездить. Муки в амбаре на три квашни». Как он закричит: «Не указывай! Сам знаю, как жить. А на мельницу не поеду. На меня другие намелют». Так и не поехал. Сами с мамой ездили. Потом еще корить нас начал за то, что мы дешево за помол заплатили, мельника будто обманули.

Анна вздохнула и заговорила просящим шепотом:

— Сам бы, Матюша, взялся за хозяйство. Насидимся мы так без хлеба. Да и стайки надо бы поправить, сена подвезти. А батя я больше ничего говорить не буду. Пусть хозяйствует как знает...

Анна вышла за Матвея против воли родителей. Они не хотели этого брака. Сватался за нее другой жених — Демьян Штычков.

Родителям Анны жалко было упустить такого жениха, как Демьян. После смерти отца он остался единственным наследником большого хозяйства. Штычковы исстари считались первыми хозяевами на селе. У них было много скота, пашни, всегда они держали годовых работников.

Но сам жених был с повинкой. Еще в детстве лошадь ударила Демьяна копытом в лицо и переломила нос. Стал он ломоносый

и говорил с тех пор гнусавя. Не вышел наружностью Демьян, не чета был Матвею.

Да и в народе Матвея уважали больше. Слава о его смелости в охоте на медведей шла по всей округе. Был он к тому же искусный гармонист, и не одна девка вздыхала, глядя на рослого, статного парня.

Марфа, мать Анны, отговаривала дочь:

— Смотри, Нюрка, насидишься за Матвеем голодом. Хозяйство Строговых не ахти какое. Все богатство в пасеке, а на пасеку надежда плохая. Сегодня она есть — завтра ее не будет. Мор на пчелу и не таких, как Строговы, разорял.

Анна и сама понимала, что мать говорила правду.

Демьян жил богаче, хозяйство его было прочнее. Но Анну тянуло к Матвею. Про себя она думала:

«Ничего, и мы заживем не хуже других. Будем землю пахать, скот разведем, мельницу поставим. Там, на пасеке-то, вон какие просторы. На селе завидовать будут».

И она настояла на своем: ее просватали за Матвея. Демьян Штычков с горя пил без просыпу. Три года он ждал, когда подрастет Анна, считал ее своей невестой. Да и она не отталкивала его — на вечерках заигрывала с ним. Полгода спустя после свадьбы Анны он женился на бедной-пребедной девке Устиньке Ганьшиной.

4

Утром Захар и Матвей поехали в Волчьи Норы. Сельский староста Герасим Крутков, выслушав Матвея, велел ехать в волостное правление.

Захар вернулся на пасеку, а Матвей поехал с попутчиком в Жирово.

Прошло четыре дня, Матвей не возвращался.

Домашние думали, что он задержался в Волчьих Норах у тестя, Евдокима Юткина, и не беспокоились. Но один случай взволновал их.

На рассвете Агафья пошла доить коров. Едва она открыла дверь, как навстречу ей бросились собаки. Они были с охотниками на Юксе. Агафья оставила подойник на крыльце и побежала в дом.

— Вставай, старик! Вставай скорее! Собаки из тайги прибежали, — видно, Фишка идет, — тормозила она Захара.

Тот вскочил с постели и впопыхах долго не мог надеть штаны.

Пока старик одевался, Агафья разбудила Анну.

Все трое выбежали на крыльцо и стали смотреть на косогор, ожидая появления деда Фишки. Какая нужда погнала его на пасеку? Вот еще беда-то! А ведь сколько лет жили тихо, мирно!

С полчаса стояли они на крыльце, но дед Фишка не появлялся.

— Что за оказия? — сказал, недоумевая, Захар.

— Съездил бы, батя, в село, узнал, что там с Матюшей. Может быть, оттуда в тайгу ушел? — проговорила Анна, в душе тревожась за мужа.

— Верно, Захарка, скажи, узнай. А Фишка пасеку не минует, — сказала Агафья.

Захар помчался в Волчьи Норы.

По дороге он встретил знакомого жировского мужика Петра Цветкова. Петр ехал на пасеку по просьбе Матвея и рассказал Захару, какая беда приключилась с охотниками.

Когда Матвей заявил о происшествии в тайге жировскому уряднику, тот взял двух понятых (одним из них был Петр Цветков), и они все вместе в тот же день выехали в тайгу.

Тележная дорога была только до Балагачевой. Дальше верст двадцать пришлось идти пешком.

Урядник осмотрел труп и, допросив охотников, решил, что убийство совершено ими. Матвея и деда Фишку отвезли в Жирово и посадили в каталажку волостного правления.

Петр Цветков передал Захару сумку с пушниной и поехал обратно. Захар погнал своего коня на пасеку. Бабы, увидев его в окно, выбежали на крыльцо. Захар соскочил с коня и закричал на них:

— Ну, что глаза вылупили?! Накладывайте в туески меду. Матюшка с Фишкой в жировской каталажке сидят. К уряднику по скачу.

Агафья всплеснула руками и хотела заголосить. Анна закрыла свое по-цыгански смуглое лицо фартуком.

Захар взбежал на крыльцо, замахал руками.

— Ну-ну, помокроглазьте у меня!

Не прошло и часу, как он, наскоро пообедав, мчался в волость, нещадно нахлестывая коня.

Прискакав в Жирово поздно вечером, Захар отнес мед уряднику и стал упрашивать его освободить Матвея и деда Фишку хотя бы на поруки.

Урядник обещал подумать. На другой день Захар сунул ему пятирублевик.

Но вечером к Захару вышла толстая урядничиха и передала от имени мужа, что сделать он ничего не может: весь материал предварительного дознания отправлен в город.

Захар плюнул, хлопнул дверью и вприпрыжку побежал со двора. Недолго думая, он завернул в кабак и всю ночь напролет гулял там с каким-то случайным приятелем.

Потеряв где-то шапку-ушанку, он утром приехал на пасеку с повязкой на голове, сделанной из верхней рубахи на манер тюрбана.

5

Три недели охотники ждали, когда их отправят в город на суд.

Спали они на соломе, зябли, ели черствый хлеб с холодной водой. Дед Фишка вначале храбрился, потом начал грустить, вечерами усердно молился.

Неизвестно, сколько бы еще пришлось сидеть охотникам в каталажке, если бы не приехал в Жирово судебный следователь Прибыткин. Приезд следователя произвел в волостном правлении суматоху. В отдаленную Жировскую волость из города редко кто назжал.

Пока следователь отдыхал на земской квартире, бабы выскоблили в правлении полы, на окна повесили холстинные занавески.

Владислав Владимирович Прибыткин по окончании юридического факультета надеялся быстро сделать карьеру. Но ему не хватало связей и денег. Отец его, мелкий чиновник, был небогат и незнатен.

Когда из Жировской волости поступило дело об убийстве охотниками неизвестного золотоискателя, Прибыткин сказал себе:

«Ну, Владислав Владимирович, пора и тебе попытать счастья».

Первым на допрос следователь вызвал деда Фишку.

Старый охотник оробел. Дрожащими руками он разгладил бороду, брови, одернул рубаху и, выходя из каталажки, страдальчески посмотрел на Матвея. Но в комнате следователя дед Фишка почувствовал себя спокойнее.

Полное лицо Прибыткина с черной бородой показалось ему добрым.

Следователь читал какие-то бумаги.

— С-с-адитесь вот тут на с-с-с-тул, — проговорил он, не поднимая глаз.

«Да он заика», — подумал дед Фишка, и это показалось ему потешным.

Прибыткин отложил бумаги и взглянул на старика.

— К-к-к-как фамилия?

Дед Фишка встал.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРОГОВЫ	5
СОЛЬ ЗЕМЛИ.....	545